

ЛитРес:

Пока медведица на небе...

ЮЛИЯ ЕФИМОВА

18+

Юлия Ефимова

Пока медведица на небе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48409367

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-08917-4

Аннотация

Страшная война не проходит бесследно. Она эхом доносится из прошлого, даже в наше мирное время, заставляя выбирать между светом и тьмой. Именно перед таким выбором она поставила и Карла, по воле судьбы случайно оказавшегося втянутым в водоворот страшных событий. В суматохе происходящего очень легко потерять ориентир и свернуть с верного пути, но Карл уверен, пока медведица на небе, все будет хорошо. Оформление обложки CANVA.

Содержание

12 августа 1942 года	22
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Юлия Ефимова

Пока медведица на небе

Не ищите в этой книге знакомых имен и событий. Не сравнивайте исторические факты с действительностью. Все, что происходит на страницах этой книги, – это плод фантазии автора и никак не связано с реальностью. Совпадения же, которые вы заметите, случайны.

* * *

«Поезд “Москва – Адлер” отправляется с третьего пути».

Состав качнулся немного и плавно тронулся с красивой платформы Казанского вокзала, Карл смотрел в окно на ускользящий перрон. В окне была Москва, она просто утопала в зелени – надо же, конец мая, а солнце уже всю летоному ласкает улицы столицы. Но ведь, кажется, еще вчера метровые сугробы были абсолютно везде, в Москве на клумбах они высились огромными черными глыбами и наводили ужас, за городом же они были абсолютно белыми, но не менее страшными и холодными. Эти горы снега нагоняли депрессию и вводили людей в отчаянье. Все спрашивали друг у друга: неужели эта затяжная зима никогда не закончится? Неужели эта серость навсегда поглотила Москву

и весна не придет никогда? Но истину гласила надпись на кольце царя Соломона: «И это пройдет», – и вот уже народ забыл ужасы холода и наслаждается почти летним майским теплом. Москва особенно прекрасна в солнечные дни, лучи растекаются по ее проспектам, как золотистый мед течет с чайной ложечки обратно в пиалу, медленно, тягуче растягивая свое золото, будто говоря: полюбуйтесь на меня, вон сколько во мне солнца. Шпили городских высоток наматывают лучи на себя, играя ими как обручами. Москва просто купается в солнце, весело и с удовольствием, как ребенок, который первый раз увидел море и не может контролировать радость своих эмоций, выплескивая ее в пространство.

Сколько лет Карл не ездил на поезде, он уж и не помнит, не считая, конечно, быстрого «Сапсана», что соединяет Питер и Москву, но это не поезд, так, электричка. Поезд – это когда города, платформы и люди мелькают за окном, сменяя друг друга, и ты знаешь, что на сегодня это твой новый дом, как и для твоих попутчиков. Получается, что на время вам, совершенно чужим людям, необходимо будет делить это тесное жилище. Когда-то давно они ездили на поезде с отцом, тот хотел показать сыну Байкал и его родной Иркутск, это были волнующие и увлекательные каникулы для Карла, а поезд для мальчишки был даже познавательней, чем сам Байкал. Там менялись люди, почему-то как родные спящие рядом, на соседней полке, для мальчика из интеллигентной московской семьи это было ново и непонятно. Каждый из

новых соседей был со своей историей, со своим познанием мира, и все, абсолютно все пытались поделиться житейскими мудростями со своими попутчиками. Так уж устроен поезд: люди садятся в него и сразу хотят рассказать всю свою жизнь соседу-незнакомцу, в ответ желательно выслушать не менее душещипательную историю. В этом магия поезда. Ведь там ты можешь быть хоть кем, играть любую роль, а можешь даже быть собой настоящим, ведь через некоторое время ты сойдешь на своем перроне и больше никогда не увидишься с людьми, которым ты только что рассказал о себе больше, чем знает любой из твоих родственников. Тогда, в далеком девяносто пятом, они с папой ехали в плацкартном вагоне, пахнущем носками и чесноком. Сегодня же Карл хоть и решил ехать в Краснодар на поезде, но, надо быть честным, выбрал самый комфортный вариант. В купе было пусто и чисто, оно отдохнуло от предыдущих поездок и ждало новых постояльцев и новых историй. Еще в свое первое путешествие на поезде маленький Карл заметил: если человек входит в купе последним, то у него складывается такое впечатление, что он заходит в гости. Поэтому был очень рад, что первым, так сказать, пометил территорию.

Состав уже покидал пределы столицы, а соседа по временному жилищу все не было. Билет был куплен в фирменный двухэтажный вагон, в купе мужское типа СВ, так что сосед должен быть именно мужчиной. «Может, и не будет никого», – с надеждой подумал Карл, глядя в окно. Там уже

начинался закат, еще были видны силуэты деревьев и домов, проплывающих мимо, но все четче стало проявляться его отражение на стекле. Он внимательно посмотрел на себя: молодой мужчина, тридцать лет, боже мой, уже тридцать. Жгуче-черные волосы и чересчур смуглая кожа – как ему часто говорят, очень похож на армянина, но они ошибаются. Карл, а по паспорту Хуан Карлос Калашников, был наполовину испанцем. Его мама София Ортис в то время, когда в России началась перестройка, приехала освещать события для испанского телевидения и, влюбившись в скромного режиссера монтажа из «Останкино» Юру Калашникова, осталась в холодной стране навсегда. Она всей душой полюбила русского мужчину с легендарным именем Юрий, это русское имя было известно всему миру благодаря Юрию Гагарину, оно отождествлялось с героизмом, смелостью и обаятельной улыбкой. Она полюбила Москву с ее быстрым ритмом жизни и красотой широких проспектов. Она, наконец, влюбилась в Россию с ее на тот момент наивными и добрыми в большинстве своем людьми. Но испанка по рождению, с горячей кровью и бушующими генами, так и не смогла полюбить дикий холод, который стоял в этой стране шесть месяцев в году. Именно маминым генам Карл обязан своей как огонь вспыхивающей страсти, она выражается ко всему: к работе, к женщинам, к спорту. Карл всегда был спортивным мальчиком, до самого поступления в институт он занимался гимнастикой и даже побеждал на городских соревнованиях, по-

том секцию заменил спортзал по три часа дважды в неделю. От постоянных нагрузок тело у Карла было словно вылитое из свинца, если прибавить к этому его нестандартную внешность, то получался настоящий идеал мужской красоты. Всегда и везде, начиная со школы, Карл был первым, лучшим почти во всем: в учебе, в спортивных соревнованиях, пользовался популярностью у девчонок, а еще был капитаном команды КВН, в общем, первый парень на деревне. Внимание со стороны девушек было феерическим и до противного легким, всех сейчас он даже и не вспомнит – слишком легко ему давались эти победы. Маши, Кати пролетали по его жизни, не оставляя никаких воспоминаний о себе, хотя, наверное, кроме одной, вот ее он и рад бы забыть, да не мог.

Все институтские навыки вплоть до пресловутого КВНа потом пригодились Карлу с лихвой в его работе: большой холдинг, большие вложения, большие возможности. Это сегодня он уже заместитель генерального по филиалам в южном регионе, но еще семь лет назад такое ему даже не снилось. Современное общество диктует новый тренд: любят молодых, инициативных, креативных и целеустремленных, это было девизом компании, их основным правилом и принципом. Как же так случилось, что это прекрасное, уже полностью установившееся настоящее, где переговоры в шикарных офисах сменялись чередой женских лиц, чьи черты он даже не успевал запомнить, прервало одно бумажное письмо? Письмо в конверте! Карл думал, что никто уже не пи-

шет писем от руки. Что это? Кара небесная, чья-то шутка, а может быть, горькая правда? Как хорошо, что мама с папой сейчас живут в Испании и проверять родительскую квартиру, которую мама отказывается продавать как память, пришел именно он. Что, если бы письмо попало к ним в руки или сестре? Он боялся даже думать об этом. Разберемся на месте – так он решил в Москве, сторонясь своих догадок и мыслей. Выдумать срочную командировку в Краснодар, якобы проинспектировать местный филиал, для уже опытного в административных делах Карла не представляло никакого труда. Смешно вспоминать лицо его личного секретаря, когда попросил заказать не бизнес-класс самолета, а поезд. Карл не удостоил ответом ее вопросы и расширенные от удивления глаза, лишь пристально посмотрел так, что она сразу стихла. Не собирается он перед секретаршей отчитываться, да и не поймет эта белобрысая тупица, оставленная ему в наследство прошлым замом, что Карлу надо подумать, осмыслить, возможно, даже вспомнить кое-что под стук колес фирменного поезда «Москва – Адлер».

* * *

На заходящее солнце сейчас смотрела и Клавдия Петровна Жукова, директор филиала «Спортиксон» в Краснодарском крае. Клава стояла у окна в своем кабинете и внимательно наблюдала за этим, в общем-то, элементарным про-

цессом. Любовалась она им так, будто именно от этого действия сейчас зависела ее судьба. Закат на время позволял ей отдышаться от страшных мыслей. Все сначала, придется начинать опять сначала, а сил уже нет. Офис опустел, сотрудники в одно мгновение покинули рабочие места, убегая домой, к детям и своим вторым половинкам. Клаве же бежать было некуда, ее никто не ждал, некому было успокоить и приободрить, пожалуй, в конце концов, и погладить с любовью и заботой. Работа была для Клавы семьей, и если быть до конца честным, то последние два года еще и любовником, работа была для нее абсолютно всем.

Сегодня в офисе разыгрался поистине гоголевский сюжет. С утра все шло как всегда: планерка, разбор полетов, задача строгих указаний. Но вдруг без стука, прерывая рабочий процесс, в кабинет вошла умнейшая из женщин, личный секретарь Клавы, Инна Викторовна Бляхина. Эта прекрасная во всех отношениях женщина, скажем так, преклонных лет никогда не позволяла себе таких вольностей, и Клава поняла: случился форс-мажор. Директорским кивком Клава разрешила ей говорить.

– К нам едет ревизор, – сказала секретарь и виновато добавила: – А незваный гость хуже татарина, – и развела руками, как бы показывая, что ничего изменить она не может.

Клава только три месяца была управляющим директором, поэтому данный факт убил ее наповал. В первую очередь это говорило о недоверии руководства к новому назначенцу. А

ведь Клавдия Петровна пять лет проработала в этой фирме, и такого не было ни разу. Прошлые начальники и воровали как голодные, за что в конечном счете слетали с должности, и частенько не выполняли план, но высшее руководство не приезжало к ним ни разу. Проверяющие, конечно, были, но это были пешки, они быстро срисовывали ситуационную картину и везли на суд начальству в Москву. А тут сам Карл Юрьевич собственной персоной, второй человек в холдинге, по крайней мере для южного региона точно. Чем его мог заинтересовать их филиал, чем успела Клава так провиниться? Неужели узнали ее страшную тайну и приехали посмотреть на это лично? Исправить Клава уже ничего не успеет. Столько труда – и все напрасно. Скорее всего, едут ее увольнять, хотя даже это большая честь для нее, ведь он мог сделать это, не вставая из кресла в собственном кабинете. Клава была уверена, что Карл Юрьевич даже имени ее не помнит. Тогда зачем? Именно этим вопросом задавалась целый день директор, так и не найдя толкового ответа.

– Клавдия Петровна, – в кабинет заглянула секретарь, – я могу идти?

– Конечно, – обреченно сказала она, – идите, вас, наверное, внуки заждались, они уже приехали на каникулы?

– Да, вчера, всюю уже лезят по деревьям и едят черешню, – когда Инна Викторовна говорила о внуках, она невольно расплывалась в улыбке. – Вы не расстраивайтесь, все обойдется, – неуверенно сказала она и добавила: – Клавдия

Петровна, на этом жизнь не заканчивается, у вас колоссальный опыт, с такими данными вас с руками оторвут. Есть такая русская пословица: кто любит труд, того люди чтут. Вы большая умница, каких мало, вас ценят и уважают...

Секретарь любила всюду вставлять пословицы, Клава всегда удивлялась, как столько ненужной информации могло уместиться у нее в голове. Даже утешая начальницу-неудачницу, она вставила очередную народную мысль. Однажды Клава спросила об этом Инну Викторовну. «Какая же это ненужная информация, – обиделась тогда госпожа Бляхина, – это мудрость народа, люди эти знания веками собирали и в пословицы вкладывали, чтоб запомнить было легче. Считайте, это тайные знания предков, которыми мы можем пользоваться бесплатно».

Она догадывалась, что все, включая кладезь народных мыслей Инну Викторовну Бляхину, понимают: это финал карьеры Клавдии Петровны Жуковой в фирме «Спортиксон».

От обиды сжались челюсти и засосало в животе. Получается, что все было зря, все испытания, которые она прошла ради карьеры, все, что вытерпела, все, что преодолела. Она с детства знала, что такое деньги. Родители Клавды были запойными алкоголиками, и с десяти лет маленькая девочка сама добывала себе на пропитание. Мыла машины после школы, продавала зарядки для телефонов и молила бога только о двух вещах: первое – чтобы родителей до окончания школы не лишили родительских прав, так как других

родственников у Клавы не было, а в детский дом очень не хотелось. Второе – это чуточку удачи на экзаменах при поступлении в институт: она была уверена, что только образование поможет ей вылезти из нищеты. Правда, в этом аспекте она мало надеялась на бога. Клава рассчитывала только на себя, она усердно училась, девочка из семьи алкоголиков, вразрез с общественным мнением, была круглой отличницей. Она не обращала внимания на насмешки одноклассников и сочувствующие взгляды учителей, а все благодаря ей – цели. Будучи десятилетним хронически голодным ребенком, Клава Жукова пообещала себе, что когда вырастет и заработает деньги, то попробует на вкус все блюда мира, все самое вкусное, что придумало человечество за время его существования. Иногда, когда она была сыта, потому что на голодный желудок этого делать нельзя было категорически, Клава открывала книгу «Все кухни мира» и, глядя на яркие фотографии блюд в книге, представляла, каково то или иное блюдо на вкус. Иногда ей казалось, что она даже чувствовала на языке привкус экзотической папайи в карамели или мяса, тушенного с ананасами. Чувство голода, так основательно посеянное в детстве, не проходило даже сейчас, когда она питалась регулярно, вкусно и много.

«Поеду домой, куплю фисташковое мороженое, и съедим его вместе с Сенькой, – Клава вот уже три месяца мечтала об этом. – Есть будем большими столовыми ложками, прям из ведерка, сидя на качели в саду, в абсолютной тишине, чтоб

слышать только, как комары рассказывают последние новости друг другу. Каждый будет думать о своем, а между деревьев будет слышаться один звук – «м-м-м-м-м» – гимн всего вкусного на планете», – окончательно решила Клава.

Мысли о Сеньке, соседской девчонке, так напоминавшей ей саму себя в детстве, заставили улыбнуться первый раз за день. Вот у кого судьба была похлеще Клавиной, ее родители хоть и пили безбожно, но любили Клаву не меньше выпивки. В очередные периоды просветления мать плакала и просила прощения, а отец старался заработать денег и порадовать дочь.

Сенька же круглая сирота, отца нет и не было никогда, мать умерла, а живет она с бабушкой, которая страдает сильнейшей гипертонией. Старушка периодически болеет и от боли в голове забывает про девчонку, которая предоставлена сама себе. Да что там, бедной старой женщине самой нужен уход, поэтому Сенька в свои одиннадцать лет выглядела на девять, но самостоятельная была на все восемнадцать. Так они и сошлись: Клава с израненной душой и Сенька со взрослым взглядом на жизнь.

«Решено, – подумала она, – фисташковое мороженое, Сенька для компании, и на сегодня надо заканчивать мучить себя. Как говорит Инна Викторовна, будет день – и будет пища».

Клаве вдруг стало стыдно, что она, всегда критиковавшая своего секретаря за пословицы, теперь пользуется ее мето-

дом. «Неужели, прочитав столько книг, я не способна на собственную привычку?» – разозлилась она сама на себя.

– Как говорила Скарлетт О’Хара, я не буду думать об этом сегодня, я подумаю об этом завтра, – громко сказала Клава своему пустому кабинету и вышла с гордо поднятой головой, словно кто-то мог оценить ее демарш.

* * *

Федор Осипович Zubov был уверен, что за ним следят. Это чувство посетило его впервые, когда он вышел из ЦАМО¹ в Подольске. В электричке до Москвы неприятное покалывание в затылке только усиливалось. Покрутившись по Москве, он встал в кассу железнодорожных направлений дальнего следования и в самый последний момент, пытаясь запутать преследователей, купил билет на ближайший поезд. Далее по всем законам конспирации он специально зашел не в свой вагон и ждал, пока тронется поезд. Вроде пронесло: так и не заметив слежки, Федор прошел в вагон-ресторан и взял заветренный и невкусный бутерброд. Чувство страха сегодня гоняло его, не давая подкрепиться, поэтому даже такой перекус был очень кстати. Федор Осипович очень надеялся, что обманул преследователей, билет был взят в последний момент, а до этого он катался на метро по кольцевой

---

¹ Центральный архив Министерства обороны.

линии, путая следы. А может быть, и нет никакой слежки? Может, это его воображение разыгралось от полученной информации? Скорее всего, ведь никто не верил, что разгадка существует, а те, кто был в курсе, смеялись над его затеей поехать в архив. Даже если так, надо быть очень осторожным, ведь Федя теперь знал тайну, которую пытался разгадать еще его отец. Раньше для этого не было никакой возможности, много информации было засекречено. История, как легенда, передавалась в их семье от отца к сыну. Сегодня же именно ему, Феде-неудачнику, каким его считали все родственники, посчастливилось ее разгадать. Остался последний штрих, всего один шаг. Он станет сказочно богат и невероятно знаменит, о нем будут снимать фильмы и брать интервью, наконец все признают его гениальный аналитический ум. Только бы добраться, только бы успеть. Он кожей чувствовал, что за ним погоня, кто-то хочет отобрать его открытие, его сокровища.

Первый раз за день подкрепившись, Федор направился в свой вагон. Он почти полностью успокоился и решил, что его воображение от предчувствия разгадки сыграло с ним злую шутку, все это глупость и блажь, никто не гонится, ведь в принципе и гнаться-то некому.

В купе типа СВ номер два новенького двухэтажного вагона уже сидел пассажир.

– Здравствуйте, – поздоровался его спутник и отвернулся обратно к отражению в окне.

Это хорошо, что сосед такой неразговорчивый. Хотя все-таки надо было выкупить все места, но на это совсем не было денег – Федор и так потратил последнее на СВ, считая, что лучше один сосед, чем три. А вот теперь думай, засланный казачок этот молчун или просто пассажир. Надо срочно его разговорить, прощупать. Будучи преподавателем в Кубанском университете, Федор Осипович неплохо разбирался в психологии, студенты натренировали его быть бдительным. Он часто сталкивался с обманом, надо заметить, профессиональным, поэтому был уверен, что сможет распознать ложь.

– Спешу представиться, – сказал он, протягивая огромную потную руку попутчику, – Федор Осипович Зубов, но так как мы с вами на сутки почти родные люди, вы можете звать меня просто Федя.

– Карл, – ответил попутчик, проигнорировав рукопожатие.

– До какой станции едете, если не секрет? Я в Краснодар, домой.

– В Краснодар работать, – неохотно ответил парень, явно раздражаясь разговором да и попутчиком тоже, но Федор, как будто не замечая этого, продолжал скучный разговор. Ведь ему по жизни не привыкать к презрительному отношению окружающих, он с этим давно смирился.

В детстве мать раздражалась неуклюжим ребенком, потом жена, сейчас сын и студенты, да что там, даже коллеги-пе-

дагоги тоже сторонились Федора Осиповича, считая его не таким, как они. Только отец очень его любил, они проводили вместе все свободное время, разговаривали, рассуждали и смеялись. Так, как Осип Варфоломеевич, маленького Федю больше не любил никто в этой жизни. Он устал бесполезно рассуждать, почему общество его не принимает, и просто свыкся с этим. Вот и раздражительное отношение молодого соседа Федор Осипович воспринял как должное.

– А сами откуда, из Москвы?

– Да.

– Прямо из Москвы – из Москвы? – не унимался Федя.

– Из самой что ни на есть Москвы, – спокойно, но, видно, на последних крохах воспитанности отвечал парень со странным именем Карл.

– А вы знаете, молодой человек, как расшифровывается аббревиатура СВ? – продолжал неугомонный толстяк. Карл, смотревший в окно, лишь отрицательно покачал головой.

– О, тогда слушайте: всем кажется, что это просто спальный вагон, но это не так, расшифровка аббревиатуры не только такая. Она и историческая – относит нас к дореволюционной России, – Федя оседлал своего конька и от всей души делился информацией. – СВ – «свитский вагон». То есть вагон для свиты – представителей царской семьи.

Но вынужденный собеседник не обрадовался экскурсии в прошлое железнодорожных вагонов, демонстративно взял со столика телефон и что-то увлеченно стал там читать.

– Молодой человек, вы не знаете, во сколько ужин? – Федор все еще надеялся разговорить парня.

– Я отказался, – раздраженно сказал Карл. – Вас не было, боюсь, он уже прошел. Сходите к проводнице, чудесная женщина, она что-нибудь придумает.

– А вы что ж отказались, прескверно выглядело?

– Нет аппетита, – ответил сосед и вышел из купе.

«Странный он какой-то, – подумал Федор. – Придется все-таки сегодня всю ночь не спать».

* * *

«Сосед пришел, и здесь, похоже, не повезло, – подумал Карл, выйдя из купе. – Нет чтобы ехал молодой пацан, сидящий всю дорогу в интернете, или старый дед, читающий книжку и попивающий без остановки бесплатный горячий чай, который милая проводница предлагает каждые пять минут. Нет. Ко мне подсел пренеприятнейший тип лет пятидесяти, полноватый, с бегающим взглядом, но самое противное – очень разговорчивый. Он постоянно потел, несмотря на комфортную температуру в купе, огромным, похожим на полотенце платком вытирал свой широкий лоб с залысинами по бокам и одновременно задавал кучу вопросов. Ну что ж, можно постоять в коридоре, понаблюдать пробегающие полустанки за окном, подумать».

– Молодой человек, вы не знаете, когда ближайшая оста-

новка?

От неожиданности Карл вздрогнул. За спиной стояла молодая симпатичная девушка и держала в руках сигарету.

– Не знаю, но вы спросите у проводницы Галины, она вам подскажет, – ответил Карл, внимательно рассматривая собеседницу. Девушка лет двадцати пяти была крашеной блондинкой, высокой и скорее худой, чем стройной, стрижка «под мальчика» и огромные карие глаза придавали ее образу определенный шарм.

– А вы не курите? – спросило прекрасное создание. На ней была надета белая футболка, вся в каких-то интересных рюшах, она прекрасно оттеняла загорелую девичью кожу и подчеркивала фигуру. Немного из наряда выбивалась брошь с голубым камнем – по виду просто стекляшка, на современной майке она смотрелась несколько местечково.

– Нет, но могу постоять с вами на перроне. Давайте знакомиться, меня зовут Карл.

– Динка, – представилась собеседница и по-мужски протянула ему руку для рукопожатия. Оно оказалось на удивление сильным для такой хрупкой с виду девушки.

– Ого, – от неожиданности сказал Карл, потряхивая рукой.

От его действий Динка смутилась, моментально покраснела так, что даже ее загорелая кожа не смогла скрыть смущения, и произнесла:

– Каждый день спортзал, я инструктор в фитнес-клубе:

пилатес, йога, стретчинг.

– Как же у вас спорт совмещается с никотином? – Карлу понравилась девчонка. – Вы знаете, мы с вами в некотором роде коллеги, спорт для меня теперь еще и работа, и я категорически против вредной привычки.

– Полностью с вами согласна, – быстро закивала Динка, пряча за спиной сигарету, словно школьница, которую учитель застал за постыдным делом. – Никак не могу избавиться от нее. А приходите к нам в купе, у нас с попутчицей есть хорошая бутылка виски, а поделиться не с кем. Или эту привычку вы тоже отрицаете?

– Нет, ее я как раз допускаю, – засмеялся Карл.

– Ну, тогда купе номер три, – уходя, Динка сверкнула глазами, как бы заигрывая с новым знакомым.

12 августа 1942 года

Соломон Абрамович Эпштейн, археолог со стажем, опоздал: в Краснодаре уже были немцы. Опоздал всего на несколько дней. Девятого августа фашисты заняли Краснодар. Его археологическая группа, работающая в станице Ивановской на раскопках, уже давно разбежалась кто куда. Большинство ушло на фронт, ну а остальные уехали в эвакуацию. Соломон Абрамович остался в «поле» в одиночестве. Решил задержаться, собрать, сохранить находки, потому как воевать его все равно не возьмут по причине преклонного возраста, а помирать уже и не страшно – семьдесят пятый год пошел. Он очень скрупулезно собрал черепки, которые они успели раскопать еще группой. Война войной, а история и искусство вечны.

Но случилось невероятное, и про прежние находки пришлось забыть. Совершенно случайно – история знает, что именно так происходят все гениальные открытия, – он раскопал восемь золотых нашивных бляшек с изображениями мифических героев. Навскидку эти находки принадлежали к меотской культуре и не шли в сравнение ни с какими другими. Именно это бесценное достояние человечества он должен сейчас сберечь. У Соломона Абрамовича была надежда, он

очень спешил в город, его товарищи по Краснодарскому краеведческому музею должны были спрятать в тайнике и заземлить самые важные экспонаты выставки музея, туда же археолог планировал положить и найденные бляшки, но опоздал.

Есть, конечно, вариант зарыть в саду, но это будет означать, что он похоронит их заново, ведь старого Соломона Абрамовича наверняка убьют, а они останутся лежать под черешней еще на века. Рассматривая через огромную лупу красивейшие узоры, фигурки Геракла и неизвестной богини с огнем в руках, он понимал, что такое чудо должно жить. Война обязательно кончится, все войны обязательно заканчиваются, человек, проживший почти век, знал это наверняка, а вот искусство – оно вечно. Соломон Абрамович затылком чувствовал, что скоро за ним придут, поэтому очень торопился. Достав широкий кушак, профессор начал вшивать в широченный пояс свои находки одну за другой. Пояс получился тяжелый и неоправданно широкий. Теперь надо решить, кому довериться: когда Соломона Абрамовича не станет, кто-то должен рассказать о сокровищах. Как в столь страшных условиях найти верного и честного человека? Ведь война сломала уже многих. Вчера он видел своего соседа, веселого и добродушного парня, всего год назад закончившего десять классов. Теперь

парень не улыбался, он с каменным лицом возвращался под вечер домой, словно и не он это вовсе, словно повязка с надписью «Polizei» убила в нем все живое.

* * *

Карл не собирался идти в купе к новой знакомой, не было настроения для романов, ему надо было подумать. В Краснодаре, возможно, придется принимать важное судьбоносное решение, а он не готов, даже размышлять пока страшно.

– О, Карл, как замечательно, что вы вернулись, – сосед по купе как-то подозрительно искренне обрадовался его приходу. – Вы знаете, у меня очень сложные отношения с женщинами, почему-то не любят они меня. Моя покойная мама была приятно удивлена, когда я женился, не верила она, что это случится в принципе. Но надо отдать ей должное, она, как всегда, оказалась права, и радость ее была недолгой – жена бросила меня, оставив одного с ребенком, но сейчас не об этом. У вас, я вижу, с этим все в порядке, вы вон даже в коридоре успели с девушкой познакомиться, – сказал Федя, выдав тем самым, что следил за соседом. – Не могли бы вы попросить проводницу принести мне ужин?

Было понятно, что он не отстанет, но, видимо, провидение было сегодня снисходительно к Карлу – идти никуда не пришлось: в это время в купе заглянула хозяйка вагона, Галина, женщина в годах, стройна и очаровательна для своего

возраста.

– Карлуша, может, все-таки чайку? – спросила она, по-свойски заглянув в купе. Федор, как провинившийся ученик, при появлении царицы-проводницы вытянулся в стойку смиренно и пригладил торчащие три волосинки на своих залысинах.

– Галина, замечательно, что вы заглянули, – Карл расплылся в своей фирменной улыбке, которая могла претендовать на обложку журнала «Вог». – Мы вот с моим попутчиком поужинать захотели, не поздно еще?

– У меня во всем вагоне всего три купе занято, больно дорого сейчас вагон СВ стоит, поэтому не переживай, сейчас организую в лучшем виде, – по-прежнему даже не посмотрев в сторону Феде, сказала она и не обманула – уже через пятнадцать минут столик был накрыт вполне сносным ужином.

Карл не хотел отпускать Галину и оставаться наедине со странным соседом, который, как настойчивый ухажер, постоянно пытался с ним заговорить.

– Посидите с нами, – предложил он проводнице, отчего та засветилась счастьем, – расскажите про свою работу, у вас всегда так пусто в вагоне... – Карл, когда хотел, умел быть убедительным, женщин он словно гипнотизировал своим обаянием и красотой, причем не важно, сколько им было лет: двадцать или семьдесят, – когда он хотел, под его чары попадали все. – Вот мне интересно: почему, когда так много пустых купе, продают места не в разных купе, а в одном?

– По-разному бывает, – они разговаривали как старые добрые друзья. – В последнее время почти всегда пусто, первый этаж даже не продают, он закрытый стоит, а второй комбинируют, сокращают расходы – электричество, уборка.

– Вы поэтому на кондиционерах экономите? – спросил, немного запинаясь, Федя. Он по-прежнему обливался потом, хотя в купе стояла комфортная температура.

Галина взглянула на него с удивлением, будто только что заметила, и, не удостоив ответом, продолжила:

– Ваше купе, затем девчонки едут в соседнем, и в четвертом Борис один скучает.

В это время в дверь постучали и тут же открыли, не дожидаясь разрешения.

– Как говорится, если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе, – весело пронеслось на все купе – на пороге с огромной бутылкой виски стояла Динка, но, увидев проводницу, смутилась и спрятала бутылку за спину, как будто это могло что-то изменить. – Ой, – произнесла она, смутившись.

Галина улыбнулась и взглянула на нее снисходительно, словно бабушка на нашкодившую внучку. Зато сосед Федя повел себя неадекватно.

– Что Вам надо? – немного визгливо закричал он, совершенно неподобающе для своего телосложения и возраста. – Выпивать в поездах запрещено, и вообще мы ужинаем, попрошу вас удалиться в свое купе, что вы вообще себе позволяете? – произнося все это, он еще больше покраснел и

вспотел. Казалось, что сейчас Федор Осипович соскочит с сиденья и накинется с кулаками на гостей.

Карл тоже был не в восторге от вечеринки в поезде, но чересчур резкое поведение соседа привело его в бешенство.

– Насколько я помню, – сказал он ледяным начальственным тоном, которому уже научился за три года, что он занимал должность руководителя, – это и мое купе тоже. Гости пришли ко мне, не уверен, что я должен спрашивать разрешения у вас, разве только у Галины, – сказав это, он повернулся к проводнице в надежде, что та на самом деле вспомнит о своих обязанностях и запретит незапланированную вечеринку.

– Мы крайний вагон, сидите отдыхайте потихоньку, – было видно, что она это делает назло неприятному Феде. – Если кто пойдет, Светка из соседнего вагона мне маякнет, проходите, девчонки.

Только сейчас Карл заметил, что за Динкой стояла еще одна девушка.

– Знакомьтесь, – неуверенно после такого жаркого спора сказала гостя, – это Марина, моя соседка по купе.

Марине было лет тридцать пять, ее уложенная прическа в стиле фиолетового шарика выдавала в ней местечкового руководителя. Она, в отличие от Динки, не смущалась, а, поздоровавшись со всеми, нагло села рядом с Федей, даже немного зацепив рукой его портфель, который он не выпускал из рук, даже когда ел.

– У вас что там, сокровища? – высокомерно спросила она, словно мстила злоке за недавнюю истерику.

– С чего вы взяли? – испуганно прошептал Федя, при этом еще больше покраснел и пошел потом.

– Я думаю, вы иностранный шпион, – продолжила издеваться над ним Марина с серьезным лицом, – везете сокровища для подкупа наших военных.

– Зачем? – спросил Федя, явно растерявшись.

– Чтоб узнать тайны всех наших последних военных разработок, – очень спокойно и уверенно несла она чушь.

– Зачем? – Федя впал в ступор, не вспомнив ни одного другого слова.

– Но вам не повезло, товарищ шпион, я патриот своей страны, – продолжила Марина, даже не улыбнувшись. – Сейчас я позвоню в ФСБ, и на перроне в Краснодаре вас уже будут встречать «вежливые люди» в неприметных костюмах, одинаковых галстуках и очках.

– Зачем? – не изменяя себе, продолжил Федор.

– Чтоб забрать у вас сокровища и потом расстрелять, я думаю, без суда и следствия, – она была так спокойна и уверена в той ерунде, которую несла, что Карл, Динка и Галина к этому моменту уже хохотали вовсю, вытирая слезы, лишь один Федор Осипович не понимал юмора.

В этот момент дверь вновь открылась, и появился мужчина, немного растрепанный и почему-то с книгой в руке.

– Боженьки ты мой, – начал он с порога так радоваться,

будто встретил старых знакомых, – да как же у вас тут весело. А я лежу, скучаю, ну, думаю, сутки порожняком пройдут. Едрёный комбайнёр, – еще громче воскликнул мужчина, сделав ударение на букву ё, и с вожделием уставился на Динку. На этих словах Карл напрягся, а девушка откровенно испугалась.

– Какая красавица у вас на руках сидит, – продолжил гость, и все выдохнули, так как Динка держала в руках бутылку виски.

– Давайте знакомиться, – продолжил весельчак с книгой, даже мысли не допустив, что его не рады здесь видеть. – Спешу представиться: Борис, фермер, – сказал он и стал по очереди протягивать руку для приветствия. Когда очередь дошла до Феди, Николай вполне искренне спросил, показывая на портфель у него под мышкой:

– А у вас там что? Сокровища?

Этим вопросом он сорвал шквал смеха и одобрения всех членов «закрытого клуба СВ» и получил предложение присоединиться к компании. Только Федору Осиповичу было не смешно, он еще крепче прижал портфель к груди и под гнетом накопившегося стресса заплакал. Делал он это тихо, чуть-чуть всхлипывая, так что из-за общего веселья окружающие это заметили не сразу.

– Вы что это? – Карл просто не был готов к этому. Да, этот Федор – неприятный тип, да, он большая вредина, но так горько плакать могут только дети. Слезы взрослого мужчины

Карл был не готов принимать, это был запрещенный прием. – Прекратите сейчас же, – умоляюще сказал он.

Люди в купе замерли, не зная, как себя вести. С одной стороны, все понимали, что ничего предосудительного они не сказали, но с другой – человек-то плачет. Что делать в таких ситуациях, никто не знал, не утешать же, в самом деле, пятидесятилетнего почти лысого детину.

Карл взглядом попросил Марину пересесть на его место, а сам уместился рядом с нытиком.

– Что с вами? Мы вас обидели, простите, я уверен, никто не хотел этого, – в знак согласия четыре головы, словно китайские болванчики, закивали синхронно. – Это были всего лишь шутки. А давайте выкурим трубку мира, – радостно сказал Карл, словно поймав гениальную мысль.

– Не, Карлуша, здесь курить не дам, – испугалась Галина, в принципе готовая на любые уступки для такого красивого и воспитанного мальчика.

– Я в переносном смысле – выпьем виски и помиримся, – пояснил Карл.

– Эта идея гениальна, едреный комбайнер, – обрадовался Борис, до этого как-то опечаленно сидевший в углу. Он, похоже, очень испугался, что именно его высказывание довело до слез человека, мужчину, взрослого мужчину, ужас.

На столе появились пластиковые стаканы, которые девчонки предусмотрительно принесли с собой.

– Я не буду, – продолжая всхлипывать, сказал Федя.

– Надо, Федя, надо, – сказал Карл, и, направляя его руку, он заставил выпить плаксу «лекарство».

После первой рюмки в купе наступила тишина, никто не знал, о чем дальше разговаривать. И тут Федя, очень странно опьянев от одной рюмки, сказал:

– А вы мне нравитесь, Карлик, – он поставил кулак под свой подбородок и любовался Карлом, как мать любит свой сыном-красавцем.

– Я рад, – уже более сдержанно сказал Карл, убедившись, что сосед успокоился, – но давайте вы не будете меня так называть?

– Почему? Это ведь уменьшительно-ласкательное производное от вашего имени, – спросил Федя.

– Зачем вам меня ласкать? Мне это совсем не нравится, – сопротивлялся пьяной любви Карл.

– Но мне хочется называть вас как-то по-особенному, ведь мы друзья, – немного надувшись, сказал Федя. – Странно, но у меня никогда не было друзей, ума не могу приложить, почему.

– Seriously, действительно странно, может, вы часто плачете? – то ли шутя, то ли на полном серьезе спросил Карл.

– Вот честное слово, нет, – не уловив иронии, продолжил Федор. – Я в детстве всегда наблюдал за теми счастливыми, у кого есть друзья, и завидовал им. Они называли друг друга какими-то именами, понятными только им, типа Винт или Болт, это был их код, их тайна. Когда один из таких дру-

зей подходил к мальчишкам на улице и спрашивал: «Болта не видели?» – все сразу понимали, кого он имеет в виду. Потому что они вместе были сила, а силу все уважают. У нас с вами обязательно должна быть общая тайна.

Испугавшись, что Федор опять расплачется, Карл пошел на уступки.

– Хорошо, называйте меня Карлос, но так можно только вам и только в виде исключения.

– Я же говорил: надо мириться, едреный комбайнер, выпьем за дружбу, – предложил Борис, и Федя уже сам, ни капли не сопротивляясь, выпил очередную рюмку.

В дверь купе снова постучали, Галина глазами приказала спрятать стаканчики.

– Войдите, – крикнул Карл, сейчас почему-то он чувствовал себя хозяином данной вечеринки.

Все с замиранием сердца смотрели на дверь. Та медленно, словно гость не был уверен, что хочет войти именно сюда, открылась. На пороге стоял интеллигентный мужчина, очень смахивающий на иностранца. Карл отметил дорогую оправу очков и брендовую рубашку, его волосы красивыми пшеничными кольцами свисали на лицо, в руках у нежданного гостя почему-то была пустая кружка.

– Извините, – с акцентом начал говорить гость, – я искал проводница, вагон пустой, только здесь слышно голос.

– Интурист, – засмеялась Галина, – а я про тебя совсем забыла. Это француз, едет в пятом купе. Надо же, старею,

что ли, даже чаю ему не принесла, совсем он у меня не отпечатался в памяти.

– Садитесь с нами, – Борис, как настоящий русский, был очень гостеприимен в чужом купе. – Давайте по чуть-чуть для сна, – предложил он иностранцу и вытащил из-за спины бутылку виски.

Ничего не отвечая, непрощеный гость выскочил из купе, не прощаясь.

– Ну вот, – грустно сказала Галина, – напугал мне интуриста, наверное, жаловаться побежал.

Но она не угадала, уже через минуту тот стоял на пороге купе, счастливо сжимая в руке похожую бутылку.

– В гости с пустыми руками нельзя заходить, – радостно произнес кучерявый иностранец.

И все, включая даже пятидесятилетнего плаксу Федю, расслабленно улыбнулись.

Иностранец оказался французом с русскими корнями. Филипп Морель рассказал, что является сорокалетним потомственным виноделом. Выглядел он лохматым из-за волос, которые вились, а большие красивые кольца торчали в разные стороны, становясь похожими на стог сена. Очки же в дорогой тонкой оправе немного спасали ситуацию, придавая ему нотку интеллигентности. В России он был по делам, спешил поделиться своими знаниями с виноделами Краснодарского края, направлялся он на какую-то конференцию, название которой то ли не запомнил, то ли не смог выго-

ворить по-русски. Филипп оказался общительным человеком. Его бабушка эмигрировала в восемнадцатом году во Францию десятилетним ребенком и, наперекор стереотипам о русских эмигрантах, когда ей исполнилось восемнадцать лет, она очень удачно вышла замуж за француза. Обида на Родину, которая так ее предала, прогнувшись под коммунизм, жила с ней всю жизнь. Умирая в девяносто восемь лет, последнее, что она сказала на смертном одре, было: «Я могу спокойно уходить на тот свет, зная, что в России больше нет большевиков». В их французской семье общались в том числе и на русском, правда, когда бабушка умерла, меньше, но про русские корни всегда помнили и чтили их. Даже мама Филиппа, истинная француженка, была принята в семью только после того, как выучила язык Толстого, Достоевского и Чехова.

– Я не первый раз Россия, – совсем немного изменяя слова, сказал Филипп. – Я был Москва, Санкт-Петербург, теперь буду смотреть столица Кубань, Краснодар, и еще Абрау-Дюрсо. У вас очень красивые города, но лучше всего у вас люди.

– Звучит как тост, едреный комбайнер, – среагировал Борис, потирая руки, и все дружно чокнулись пластиковыми стаканчиками. Конечно, все внимание было теперь приковано к иностранцу, каждый пытался задать вопрос, а Марине, судя по всему, хотелось еще и решить личные дела. Поправляя свой фиолетовый шарик на голове и смущенно за-

кусывая нижнюю губу, общалась она теперь исключительно с французом.

– Да, народ у нас хороший, – начала она издалека, – только мужики вывелись. Вот мне тридцать пять лет, а я уже трижды была замужем. Хотя все при мне: и внешность, – она показала свой профиль, чтоб грудь, которой она, по-видимому, очень гордилась, выглядела еще более привлекательной, – и бизнес у меня свой, а вот с личным полный швах.

– Ну, это как раз вас характеризует не с лучшей стороны, – пробубнил обиженный за весь мужской род Борис.

– Да никак это меня не характеризует, – вспыхнула как спичка Марина. – Просто первый от мамкиной юбки оторваться не мог: «мама сказала так, маме это не понравится», второй – алкаш запойный, который все свои неудачи топил в водке, третий просто не мог ни одной юбки мимо пропустить, так что я тут абсолютно ни при чем, просто не повезло.

– А я думаю, что при выборе спутника жизни не стоит забывать о том, что в свободное от секса время вам придется еще и о чем-то разговаривать, – сказала грустно Галина. – На собственном горьком опыте знаю. У меня муж и не маменькин сынок, и не пьет, и не гуляет, и прожили мы с ним без малого сорок лет, а вот поговорить нам не о чем. Как дети выросли, так живем словно чужие люди.

– Ну, знаете, мы сейчас с вами договоримся, – Борис уже немного опьянел и готов был спорить о жизни. – Мне сорок, и я вот тоже не женат, хотя, в отличие от вас, вообще ни разу

не был.

– А что так, пьете? – насмешливо спросила Динка, взглядом указывая на пластиковый стаканчик в его руке, одновременно как-то странно поглаживая свою голову, словно проверяя, есть волосы на ней или нет.

– Это? Это да, но только по праздникам и с хорошей компанией, как сейчас. Обычно мне некогда, я работаю, много работаю. Была, конечно, у меня девушка, мне двадцать пять, ей восемнадцать, любовь до гроба, а у меня только-только бизнес стал расти, надо было все деньги вкладывать в семена сортовые, в теплицы, в технику. На еду и одежду, конечно, хватало, но и только, а ей надо рестораны, ей кино и клубы подавай. Не наездишься каждый день из станицы в Краснодар на развлечения – ни времени, ни денег, ни сил на это нет. Вот и сказала она мне: прости, наша встреча была ошибкой, – и упорхнула в очередное путешествие. Просил я ее: потерпи, все у нас будет, надо немного поработать, чтоб потом жить припеваючи. А она мне: жить надо, когда молодая, когда я стану старухой, эти развлечения мне будут уже не нужны. Больно было, очень больно. Мне кажется, что после этого я ни одной женщине и не верю. Вот такой едреный комбайнер.

– А если бы она сейчас пришла, простили бы? – спросила Динка, по наивности широко распахнув глаза. Карл тут же почувствовал себя на ее фоне стариком и про себя горько вздохнул. Молодость, как ты наивна, как ты неистово веришь

в сказки.

– А она и пришла, – усмехнулся Борис, – с двадцатью килограммами лишнего веса и двоими детьми.

– А вы? – видимо, все еще надеясь на хеппи-энд, выпрашивала Динка.

– Я? – засмеялся Борис. – Я поставил самую большую свечу в церкви, которую я, кстати, построил в станице на собственные деньги, и поблагодарил господа бога за то, что она бросила меня тогда. Сейчас я первый жених в станице, фермер масштаба страны, мои огурцы и помидоры даже в Москве продаются, кстати, возвращаюсь из столицы с большим контрактом, – уже более весело заговорил Борис, видно было, что это его любимая тема, – с большой сетью супермаркетов подписал договор, теперь еще расширяться будем.

– Это успех, поздравляю, – Карлу хотелось сменить неудобную тему, он в принципе презирал людей, которые во время принятия спиртного начинали ругаться и выяснять отношения – по его мнению, это был удел быдла.

Карл был убежден с детства, что спиртное необходимо для того, чтобы люди смеялись и еще больше любили друг друга. Именно так делали на родине его матери. Поездка к родителям отца была всего один раз, а вот к испанской родне они ездили каждый год. Это всегда был праздник, по вечерам бабуля собирала у себя на веранде друзей, гости пили красное вино и что-то громко обсуждали, хохоча в голос. Когда же солнце полностью погрузилось в море, а во дворе зажига-

лись фонари, они начинали танцевать, весело, задорно, будто им восемнадцать и вся жизнь еще впереди. Смотря на зажигательный фламенко в исполнении бабули, Карл понимал, что он больше испанец, чем русский. Именно с этих детских впечатлений вино, которое в Испании всегда лилось рекой, а его распитие было частью культуры этого жизнерадостного народа, ассоциировалось у маленького Карлоса с праздником всеобщей любви. Карл искренне верил, что вместе с потреблением этого бордового напитка человек получает еще больше добра и просто обязан делиться им с окружающими.

Словно поняв направление его мыслей, все вновь начали чокаться и поздравлять Бориса с удачной сделкой, пытаясь проглотить неприятную тему.

– Вы, русские, не умеете останавливаться, – сказал Филипп, решив поучаствовать в разговоре, – и в алкоголе тоже.

– А вот это неправда, – уже шутя, возмутился Борис. – Это наговор на весь народ, едреный комбайнер. Каждый русский мужик знает свою меру: упал в тарелку – значит, хватит.

Все засмеялись, а Филипп, испугавшись, что ненароком обидел русских, решил добавить и положительной информации, которую он имел о России:

– Зато вы большой молодцы, что победить большевиков, – сказал Филипп. – Давайте выпьем за свободную Россию. Я вообще не знаю, как вы могли так долго жить под гнетом коммунистов.

Было видно, что француз говорит искренне, и Карл решил

повредничать:

– Мы строили светлое будущее, ведь что такое коммунизм? Это строй, основанный на социальном равенстве, общественной собственности. Жилье, обучение, медицина – все бесплатно. Ведь это почти рай на земле: работай и бери от жизни все что хочешь. Не надо копить деньги на учебу в институте, учишься и поступаешь абсолютно бесплатно. А квартиры – это же сказка: вырос, женился, получи новенькую просто так, просто потому, что живешь в коммунизме, и не надо всю жизнь копить, брать ипотеку за страшные проценты и желать смерти всем родственникам, с кем делишь одно жилище.

– Это утопия. По сути, коммунизм не был построен нигде, а у вас так вообще получилась сплошная диктатура, – все больше распалялся Филипп, но это почему-то только веселило остальных – наверное, потому что они все были русские.

– Согласен, не получилось, – еле сдерживая смех, показательно вздохнув, продолжил Карл, – но мы хотя бы попробовали. А представь, Филипп, у нас все-таки получилось бы его построить, вот взяли бы мы и сотворили идеальное государство на планете Земля. Вот все остальные страны обзавидовались бы тогда. Ты первый, апеллируя своими русскими корнями, просился бы пожить немножечко в нашем раю. Мы просто попытались счастье. В России говорят: кто не рискует, тот не пьет шампанского, русские вообще люди рискованные.

Ни один настоящий мужик не согласится на синицу в руках, нам нужен только журавль в небе. Ну же, поищи в себе этот авантюризм, ты же на четверть русский.

– Я бы не стала разделять русских на мужчин и женщин, у русских женщин тоже тормозов в желаниях нет, нам тоже только журавля подавай, – Марина, в отличие от Динки, оказалась общительной, юморной и с удовольствием участвовала в розыгрыше иностранца.

«Видимо, сказывается возраст, “двадцатилетние девы” наш юмор не понимают, и нам их шутки уже не понятны», – подумал Карл, опять сравнивая себя с Динкой, но все равно с нежностью взглянул в ее сторону. Теперь, возможно, под влиянием спиртного, она казалась ему еще красивее, а дурацкая брошка на футболке перестала выглядеть такой уж дурацкой.

Филипп сидел с растерянным видом и не понимал, почему эти русские так смеются.

– Журавль, – удивленно произнес он. – Зачем вам нужна эта птица?

И этим вызвал новый приступ смеха.

– Ну ладно, – продолжал издеваться над французом Карл, – плохо у тебя с аллегориями. Есть еще такое выражение, оно тоже очень хорошо характеризует русскую философию, если она, конечно, вообще у нас есть, – добавил он уже для своих. – Любить – так королеву, воровать – так миллион, – и, повернувшись к Динке, подмигнул ей, намекая, что

на сегодня королева для него она.

– Что это значит? То, что у вас все хотят воровать? – Филипп был в растерянности.

– Нет, Филиппка, – встрял в разговор Борис, решив, что после трех рюмок уже вполне может его так называть. – Это означает, что нам нужно все и сразу, едреный комбайнер. Все самое лучшее, на меньшее мы не согласны. Если кукурузное поле, то размером с целую страну. А какие у нас на Кубани виноградники, вот выйдешь – и взглядом не объять, у меня у самого такие, грозди с мой кулак, – и в доказательство он продемонстрировал прям у лица испуганного француза свою огромную руку, сложенную в угрожающий по виду кулачище, – вот такой, – и, оставшись недовольным от произведенного эффекта, добавил: – Ну, может, даже и больше. А виноград-то какой: каждая ягодка, каждая косточка наполнена нашим беспощадным краснодарским солнцем. В моем винограде рекордное содержание сахара, а все почему? Да потому что мне абы что не надо, мне, как настоящему русскому мужику, нужно самое лучшее. Из такого винограда можно сделать самое лучшее вино в мире, такое, что даже вы, знатоки, закачаетесь.

Федор же молча улыбался и с какой-то нежностью оглядывал окружающих, будто бы он только что понял, что на свете есть хорошие люди.

Купе приняло новых друзей по-домашнему уютно. Напряжение ушло, и в пустом двухэтажном вагоне в купе номер

два сидели семь вчера еще не знакомых человек и смеялись. Немного спорили, рассказывали какие-то истории и вообще получали кучу удовольствия от общения друг с другом. Они раньше и не знали, что можно общаться, как с друзьями, с совершенно чужими людьми. Может быть, потому что у них у всех не было никогда настоящих друзей?

– А знаешь, Карлсон, мне же пить нельзя, – сказал, еле шевеля языком, Федя.

– Карлос, – уже не раздражаясь, поправил его Карл.

– Ну, я так и говорю, но так как ты мой друг, ты сегодня ответственный за меня, я поручаю свою охрану тебе, Карлсон.

– Карлос, – поправил его Карл. Пошла уже пятая рюмка, и он тоже начал любить этот мир. – Зачем тебя охранять-то?

– Сокровища, – как ему казалось, шепотом сказал Федя, но в купе уже вся компания внимательно слушала Федин пьяный рассказ.

– Прямо золото, бриллианты? – влез в разговор Борис.

Федя молча покрутил головой в разные стороны и добавил шепотом:

– Карта, где спрятаны сокровища.

– Федор, друг, не дай бог, конечно, тебе пора спать, – перебил его Карл, понимая, что бред будет продолжаться. – Галина, вы сказали, есть много пустых купе. Может, я устрою нашего Билли Бонса с картой острова сокровищ где-нибудь, чтобы мы могли еще немного посидеть?

– Карлуша, клади его в самое дальнее, в восьмое, чтоб мы

ему не мешали, – скомандовала Галина, а Карл, взяв под руки нового друга, стал выводить его из купе.

– Вот, Федор, будете спать с комфортом – туалет рядом, один в номере, красота, – словно уговаривая своего нового друга, говорил Карл.

Но Федор Осипович и не сопротивлялся, он очень устал за сегодняшний день, эмоции, которые накрыли его после посещения архива, истощили его силы окончательно. А ведь он почти не надеялся хоть что-то там найти, а оно вон как повернулось. С завтрашнего дня у него начнется новая жизнь, прекрасная, такая, о которой он мечтал, которую он заслужил. И в университете его теперь зауважают, студенты будут шептаться за спиной в восхитительной форме, а преподаватели – поздравлять и немного завидовать. Ярик, сынок, перестанет чудить и тоже вместе с отцом поедет по всяким токшоу для интервью, может, даже гордиться своей семьей начнет. А главное – папа, он выполнит обещание, данное семьдесят семь лет назад старому археологу Соломону Абрамовичу. «Папка, самый близкий и родной мой человек, я сделал это, я докопался до истины, я выполнил твое обещание, отдал твой долг. Теперь твоя душа может быть спокойна, мой самый любимый человек, мне так тебя сейчас не хватает, как я скучаю по тебе».

В водопад его сладких мыслей просочилась капелька осознания, что одного из сегодняшних новых друзей он уже где-то встречал, совсем недавно. Но оформить эту мысль не

успела. Федор Осипович уснул мертвецким сном.

* * *

Клава вела свой минивэн по родной Удачной улице, на которой прожила всю жизнь, и вглядывалась в окружающие дома так, будто видела их в первый раз. Когда-то это был пригород, но цивилизация наступала, и теперь уже родная улица проходила в черте Краснодара. Вместо деревянных резных домов теперь здесь стояли кирпичные огромные коттеджи, и всего лишь два дома на всей улице, Клавин и Сенькин, выглядели как раньше, как двадцать лет назад. Соседей это раздражало, особенно Клавиных, так как справа построилась огромная пятиэтажная гостиница с пафосным названием «Престиж». Но сдвинуть Клаву в своих решениях было не так просто. Продавать участок она решительно отказывалась: он ей был дорог как память о родителях, а строить новый дом не было денег. Все заработанные и скопленные деньги ушли на машину. Нет, конечно, можно было купить маленькую и дешевле, не в салоне, а с рук, но Клава до ужаса любила все удобное, и когда на сайте увидела эту, тут же решила: минивэн надо брать. Сиденья в нем раскладывались так, что они с Сенькой могли спокойно ездить на море и ночевать в машине. Посадить в авто можно было свободно семь человек, а если очень постараться, то и восемь. Еще у машины был поразительно вместительный багажник, и ко-

гда они шли в поход, то помещалось в него абсолютно все. Это была очень хорошая машина немецкой марки, правда, стоила она как квартира в центре родного города, но Клава была непреклонна в своем желании. Ну и, конечно же, престиж – она всегда втайне мечтала, чтобы ее одноклассники и одногруппники, когда-то потешавшиеся над бедной девчонкой, которая зашивала капроновые колготки до неприличного количества швов, знали: у нее получилось, она всего добилась, сама добилась.

У Сеньки же с бабушкой попросту не было денег даже построить новый забор.

Подъехав к воротам, Клава только хотела выйти, как из калитки выскочила Сенька и быстро распахнула ставни ворот.

– Ты чего не дома? – спросила она ее, заезжая во двор.

– Булю увезли на скорой только что, – Сенька бабушку ласково называла Булей. – Она сказала, чтоб я к тебе шла.

– Сколько? – спросила Клава, уверенная, что Сенька ее поймет.

– Опять двести, я как померила, сразу вызвала скорую, хотя Буля сопротивлялась, – грустно ответила девчонка.

На крыльце стояла чашка горячего чая, рядом на маленьком блюдце лежали печенья.

– Голодная? – поинтересовалась Клава.

– Не-а, я у тебя макароны нашла в шкафу, сварила и на-трескалась, – Сенька была очень худой и очень маленькой

для своего возраста, но ела она все и много. – Вот чаем догоняюсь. А ты есть будешь или как всегда?

– У меня сюрприз, – на этих словах Клава достала из машины большую коробку мороженого, и Сенька закричала:

– Ура, я так о нем мечтала! Я за ложками.

– Бери столовые, – крикнула вслед Сеньке Клава и села на качели.

Сад она не переделывала, все, как было при родителях. Деревья выросли просто огромные, но от этого стало только лучше. Черешня приносила столько ягод, что Сенька с Клавиного разрешения продавала их на дороге и даже зарабатывала на этом деньги. Единственное, что сделала в саду Клава, – это качели, большие, с широкой лавочкой и удобной спинкой. Для этого даже были наняты рабочие, они сделали ей самые настоящие, очень красивые и функциональные качели. Сейчас это было любимое место в саду. Сев на них, Клава распустила туго заплетенную шишку. Волосы у нее завивались с самого детства, даже сейчас, когда они были длинные, в расплетенном состоянии они самостоятельно складывались в тугие локоны. Поэтому Клава зачесывала их в туго затянутый хвост и делала строгую шишку, это было удобно: не требовало долгой укладки и особенного ухода за вьющимся волосом. Удобно – главное слово, которое сопровождало Клаву всю ее жизнь. Она жила по принципу «все должно быть максимально удобно», не красиво, не сексуально, не женственно, а удобно. Все в этом мире должно быть

удобно, и точка. Даже ее черные как смоль глаза в обрамлении коротких и от природы прямых ресниц было очень удобно не красить: так тушь не осыплется и не размажется, ну а то, что глаза без туши совсем теряются, это мелочи. Удобно – главный аргумент для Клавы во всем.

– Клав, – крикнула из дома Сенька, – а ты чего не подстриглась, опять передумала?

Да, у Клавы был пунктик: она мечтала подстричься очень коротко, даже записывалась не раз к парикмахеру, но в последний момент всегда отказывалась от этой идеи. Вот и сегодня у нее была запись к мастеру, о которой она в силу очевидных причин просто благополучно забыла. Обычно Клава оправдывала свою трусливость тем, что боится неудобства, сама же знала, что боится другого – перемен. Как-то цыганка на рынке сказала ей: «Как только волосы свои сострижешь, жизнь твоя сильно изменится», – вроде и не верила Клавдия цыганкам, а пунктик теперь присутствовал. И ведь не уточнила старая, в какую сторону – в хорошую или плохую, а Клава совсем недавно привела свою жизнь к стабильному спокойствию, такому желанному и прекрасному, о котором постоянно мечтала, поэтому перемен она боялась так, как блондинки – постареть, – до ужаса и круглосуточно. Но, похоже, даже без стрижки перемены ее настигают, и никуда от них уже не деться. Вместо ответа Сеньке Клава запела себе под нос детскую английскую песенку, которую она давным-давно от нечего делать сама перевела на русский.

Встала утром, решила сменить прическу,
Поняла вдруг, что все дело в ней.
Скуchnовата, проста, не хватает лоску,
И с такой мне еще грустней.
Я пошла к брадобрею за новым счастьем,
Надев самый яркий наряд.
Тот наряд, что я, разобрав на запчасти,
Портному верну назад.
Прихватив саквояж, подаренный другом,
Самых резких лиловых цветов,
Ботинки надела с чечеточным стуком,
Наряд, посчитала, готов.
Но прическа, так классно украсив мой образ,
Почему-то не помогла.
И я внешне прекрасна, и стиль мой отточен,
Но внутри все такая же мгла.

– Клав, – Сенька выскочила из дома и начала кричать
прямо от двери, – ты только не нервничай, ты же знаешь Булю,
я бы никогда, а она, даже в больницу уезжая, наказала мне, –
Сенька, держа в одной руке две больших столовых ложки,
другой робко протянула ей маленький сверток.

У Клавы сегодня был день рождения, тридцать три, Бу-
ля и Сенька это знали, а еще они обе знали, что Клава вот
уже пятнадцать лет не празднует его. Она постаралась забыть
про этот день навсегда. О дате рождения не знали даже на
работе, для этого Клава приложила множество усилий. Дру-

зей же, чтоб звонили и поздравляли, несли шарики и дергали за уши, у Клавы никогда и не было. Пятнадцать лет назад в свой восемнадцатый день рождения Клава вернулась домой и нашла обоих родителей мертвыми – они угорели. Никто так и не понял, почему им приспичило затопить печку двадцать седьмого мая и забыть открыть задвижку. В детский дом, чего она боялась больше всего, Клаву не отдали, ведь она уже совершеннолетняя, но она осталась один на один со своим горем. Именно в эту трудную минуту Буля, как они сейчас ее с Сенькой называют, просто соседка, просто пожилая воспитательница детского дома, не оставила бедную девочку в беде, оплатила похороны родителей, поддержала, не дала сгинуть, раскиснуть. Только Буля, ну, теперь еще и Сенька, знали, когда у Клавы день рождения и почему она его не отмечает.

– Буля просила передать, что прошло пятнадцать лет и надо жить дальше, – Сенька стояла с большими ложками в руке, ей очень хотелось мороженого, но она не решалась нарушить такую минуту.

Клава, передумавшая сегодня за день целый вагон мыслей, пожалела единственную подругу.

– Что стоишь, садись, налетай, а я Булин подарок буду смотреть, – пытаюсь не расплакаться, сказала Клава.

Сенька не заставила себя ждать – схватив ложку, присела рядом и стала уминать любимое фисташковое мороженое.

– Ты меня прости, – как-то чересчур по-взрослому сказа-

ла она. – Я бы никогда, но Буле отказать не смогла, особенно когда она в больничку уезжала. Третий раз за месяц, ой, чую, совсем сдает она, что ж я делать-то буду без нее, – и, словно вспомнив про день рождения, добавила: – Не обижайся.

– Все нормально, – сказала Клава, разворачивая подарок. Она не получала их уже пятнадцать лет. Родители, хоть и пили беспробудно, про ее праздник старались не забывать, и самый простой, но подарок у нее был всегда. – У меня сегодня есть на чем заморочиться, ко мне едет большое начальство, и, скорее всего, меня уволят. Поэтому права Буля – надо уже что-то менять.

Тридцать три, возраст Христа, на самом деле странный возраст. С одной стороны, у среднестатистического человека, как она недавно прочитала в журнале «Психология отношений», в этом возрасте уже все уложено по полочкам: работа, дом, вторая половинка, к которой еще не угасла страсть, дети маленькие, а это, как известно, маленькие бедки, эдакая счастливая картина жизни. Вот только после этой даты многие люди понимают, что живут с нелюбимым человеком, работа набивает оскомину, а вчерашние милые детки преподносят первые неприятные сюрпризы. Но бывают и исключения. Именно таким исключением Клава считала себя: семьи нет, детей нет, да и работу она вот-вот потеряет. В тридцать три, согласно статистике, многие начинают новую жизнь: новая семья, дети и новая работа, некоторые меняют место жительства, квартиры, города и даже страны. Клава же первую

еще не построила, что говорить о второй. Печально. Слезы навернулись на глаза, но Клава мужественно их остановила, прорвемся, не в первый раз. И вообще, почему я должна верить какому-то журналюге, который решил заработать денег и несет первое, что ему в голову придет? Я индивид, у меня будет все по-другому, замуж я выйду по большой любви, раз и навсегда, а детки меня будут только радовать, а чтобы они не преподносили сюрпризы, буду любить их сильно-сильно, и тогда они вырастут хорошими людьми.

Бумага не поддавалась, пришлось ее рвать, чтоб добратсья до подарка. Под толстым слоем, который Буля наматывала с любовью, оказался гель для душа, самый простой и обычный, но он так растрогал Клаву, что она расплакалась. Она знала, чего это стоит для Були, а та знала, что это значит для нее.

– Клав, ну не обижайся, – Сенька испугалась ее слез и, бросив ложку, начала успокаивать. – Старая женщина, делай ей скидку, в конце концов, – по-взрослому рассуждая, она пыталась успокоить плачущую подругу.

Одиннадцатилетняя Сенька, быстро повзрослевшая в сложившихся обстоятельствах, чувствовала себя с Клавой если не ровесницей, то где-то рядом. Она искренне не понимала душевных терзаний Клавы, но уважала их как выбор.

– У меня нет никого ближе вас с Булей, – сквозь слезы произнесла Клава, и Сенька, поняв, что дело не в ней, наполнила ложку мороженым и дала реве.

– Ешь, мы с тобой что-нибудь придумаем, обязательно придумаем, ты у меня вон какая умная, а может, еще пронесет, может, он купаться приехал. Что ты сразу решила, что по твою душу? Ты знаешь, Клава, ты много о себе думаешь, мир не крутится вокруг тебя. Что, человеку, кроме как увольнять тебя, и заняться больше нечем? – на этих словах Сенька обняла, по сути, совсем чужого человека, но по факту самого близкого на всем свете, не считая, конечно, Булю, и сказала: – Ты же помнишь нашу любимую поговорку: даже из желудка крокодила всегда есть как минимум два выхода, прорвемся. С днем рождения.

Они чокнулись наполненными мороженым ложками, словно бокалами, и рассмеялись, вытирая друг другу слезы.

* * *

«Что с рукой, я ее совсем не чувствую», – это было первой мыслью, когда Карл проснулся. Открыв глаза, он обнаружил причину потери конечности – на его руке лежала Динка и сладко посапывала. Голова гудела, и память отказывалась подчиняться и выдавать правдивую информацию о прошедшей ночи, забрав туда же и немного вчерашнего вечера. Карл попытался встать, не разбудив соседку, но на узкой полке это, к сожалению, оказалось невозможно. Стоило ему только подняться, как сразу же одежда Динки, соскользнув со стола, упала на пол, создав маленькое землетрясение.

– Не знал, что твои джинсы из железа, доброе утро, – виновато сказал Карл, когда Динка вскочила с кровати и стремительно принялась надевать упавшие на пол вещи.

– Доброе, мне пора, скоро уже станция, – она говорила какие-то не связанные вещи, скорее всего, от стеснения, глаза же были опущены в пол, видны были только ее короткие, словно обожженные ресницы.

«Хорошая девочка, жалко, что не моя», – подумал Карл.

Он знал, что такое «моя девочка», он помнил это ощущение. Давно это было, очень давно. Но чувство, которое выворачивает душу наизнанку только от одного взгляда на женщину, забыть невозможно. А может быть, это был подростковый максимализм и никакой любви не было. Может, это вожделение в восемнадцать лет так действует на воображение, и он больше никогда не испытает такого, а может, и нет ее, любви этой. Нет, неправда, есть любовь, он каждый день ее видел в детстве и сейчас по праздникам – это его родители. Они вместе уже тридцать пять лет, но до сих пор держат с любовью друг друга за руки, смеются взахлеб и обсуждают все вместе, стараясь всегда уступать. Им всегда есть о чем поговорить. Когда он последний раз прилетал к ним в Испанию, папа хвастался, что выучил язык, а мама смеялась над ним, говоря, что его не понимает даже торговец на рынке, а ведь он сам плохо говорит на испанском. Отец же начинал ревновать, упрекая, что она слишком много болтает с этим торговцем, на что мама в голос смеялась и говорила ему, что

он неисправим. Вечером, когда Карлу не спалось, он выглянул в окно и в лунном свете увидел, как родители сидели за столиком в саду. Рука отца накрывала мамину, они молчали, но это молчание говорило обо всем. Да, любовь все-таки существует. Неужели ему, Карлу, не посчастливится так, как его родителям?

Динка собралась, снова странно погладила себя по голове, будто проверяла головной убор, улыбнулась на прощанье и сбежала из купе, как арестант из тюрьмы, – быстро и с легкой душой.

«Да-а-а, Карл, вот и девушки стали от тебя убегать, стареешь», – пошутил он сам над собой. Но от того, что Динка так легко ушла, настроение только улучшилось: не пришлось что-то врать и тратить попусту время на обещание обязательно позвонить и возможность остаться друзьями, на убеждение, что она прекрасна и дело совсем не в ней, а в нем, и остальную похожую чушь, которую он научился уже нести на автомате и почти профессионально.

С зубной щеткой и хорошим настроением он вышел в коридор.

– Карлуша, как ты? – встретила его с улыбкой Галина. – Что-то мы вчера немного перебрали, ладно вы, молодежь, а я-то куда за вами увязалась? Еле до кровати добралась и уснула мертвым сном. А ведь я одна в вагоне на этом рейсе, так сказать, по техническим причинам, на меня начальник понадеялся, доверил мне, а я... Вроде и выпила немного, а

разморило меня. Странно, давление, наверно, поспособствовало. Ты иди, Карлуша, я скоро завтрак принесу, хотя, – бубня себе под нос, продолжила Галина, – можно уже и обед нести.

С аппетитом поев и собрав сумку, Карл пошел будить новоиспеченного друга Федора, которого он вчера так по-отечески уложил в восьмое купе, но дверь была закрыта. Немного постучав и подергав для приличия ручку, ведь через час уже приезжали в Краснодар, Карл направился к проводнице.

– Галина, а вы не видели Федора, моего плачущего соседа? – поинтересовался он у нее в надежде, что тот просто ушел, а проводница закрыла пустое купе.

– Нет. Бориса видела, интуриста тоже, всем плохо с утра, прямо жуть, Борька сам похмелился и интуриста заставил, – улыбнулась она. – Марина еще и не вставала, Динку видела, как она от тебя бежала в свое купе, а Федора нет.

– Вы знаете, надо бы дверь открыть, может, у него с сердцем что, он вчера говорил, что ему пить нельзя, – Карл беспokoился, ведь именно он заставил его выпить ту несчастную первую рюмку.

– Привет, Карл, – на их пути к восьмому купе появился Борис. – Вы куда такой делегацией?

– Мой новый друг Федор не открывает дверь, а уже подъезжаем, вот идем его будить. Присоединяйтесь, если у вас нет других планов, я думаю, будет весело. Ведь у него никогда не было друзей, доставим человеку кучу удовольствия, –

Карл пытался шутить, чтобы разрядить обстановку, но на душе почему-то скребли кошки.

– Я с вами, а то скучно сидеть одному, – сказал Боря и вступил в стройный ряд делегации.

Так, пока дошли до восьмого купе, весь вагон был в сборе. подтянулась Марина, которая просто шла в ту же сторону с зубной щеткой умываться, Динка, решившая «за компанию и известь творог», и иностранец Филипп, любовавшийся видами России в окно, но так как подъезжали к Краснодару, то за окном были сплошные поля и ничего интересного. Галина достала из кармана ключ так, будто это была ее личная гордость и достижение, и открыла дверь.

Карл на правах нового друга зашел в купе первым. Федор сидел на незастеленной полке купе, неудобно склонив голову набок. Смотрел он на вошедших с испугом и как будто даже обиженно, словно они пришли отнять его любимую игрушку. Карл уже хотел что-нибудь пошутить, когда увидел, что взгляд Федора застыл в этом выражении. Карл никогда не видел мертвецов, но в одно мгновение все понял, в глазах потемнело, и он, как кисейная барышня, бухнулся в обморок, прям к ногам своего уже бывшего нового друга.

* * *

– Это нашатырь, к носу его, ближе, – Карл услышал крик Галины, и тут же в нос ударил резкий запах.

– Ну что, очнулся? – озабоченно спросила Динка. Карл сидел на полу в узком коридоре вагона, а она стояла рядом на коленках, до смерти испуганная.

– Нормально все, – ему было до ужаса стыдно за его немужское поведение.

– Вставай, пойдем в купе, – Динка очень бойко подняла его с пола и усадила в ближайшее купе на полку.

– Он мертв? – спросил Карл, стараясь, чтоб голос его не дрожал.

– Да, – тихо ответила блондинка, которая оказалась более стойкой, чем он, мужик.

– Там надо помочь, – хотел встать Карл, но Динка остановила его.

– Возле купе Борис караулит, Галина побежала старшему поезду сообщать, через полчаса Краснодар. Скорее всего, нас там отцепят для всяких следственных действий. Хорошо, что мы крайний вагон, так что нам теперь одно – ждать.

Полчаса до приезда в Краснодар прошло как во сне. Карл постоянно трогал карман своих джинсов, будто проверяя, на месте ли бумага, которую ему дал на хранение друг, так мало побыв им.

* * *

Посиделки с Сенькой на качели помогли, сегодня Клава была готова уже ко всему, даже к увольнению. Ей не впервой

начинать все сначала. Сейчас уже не так страшно: есть образование, опыт работы и немного скопленных денег, которые позволят ей продержаться достойно, пока она будет искать новую работу. Единственное, к чему она не была готова, так это к тому, что ей придется самой встречать начальство. За полчаса до прибытия поезда, когда водитель от фирмы «Элитное такси» уже стоял где-то возле вокзала Краснодар-1 и изнывал от жары, а на его заднем сиденье лежала табличка с надписью «СПОРТИКСОН», секретарю пришло сообщение: «Карла Юрьевича встречать на вокзале должен начальник филиала на собственном авто, никаких такси и нанятых людей со стороны».

– Да он что, издевается надо мной, что ли? – разозлилась Клава, когда Инна Викторовна зачитала ей послание. – Ведь поезд через полчаса, это Краснодар, тут в будний день стоит все, даже Кубань, – но делать нечего, схватив рюкзак и ключи от машины, Клава уже выбегала из офиса.

Жара на улице достигала своего максимума, и люди старались спрятаться под исцеляющее действие кондиционера. Но вот проблема: еще на прошлой неделе у Клавы в ее минивэне закончился фреон, заправить кондиционер не было времени, и теперь, как результат, она едет встречать начальство в тридцатиградусную жару без животворящего холода. Льняное платье вмиг стало мокрым, а пот каплями тек со лба. «Это однозначное увольнение», – думала Клава, гоня по улицам Краснодара и повсеместно нарушая правила дорож-

ного движения.

Когда она вбегала на перрон вокзала, поезд, вильнув хвостом, повез людей дальше к ласковому Черному морю.

– Это адлерский фирменный ушел? – спросила Клава у дежурного по станции. Ее лицо покраснелось от духоты и бега, платье напоминало мокрую половую тряпку, а волосы, так усердно уложенные утром в тугую шишку, повывлазили в разных местах, создавая ощущение полного хаоса.

Пожилой мужчина с жалостью посмотрел на нее.

– Опоздала, дева? Что ж ты так? Он и так простоял дольше обычного, пока крайний вагон отцепляли.

– А зачем? – больше по инерции, чем из интереса, спросила Клава, оглядываясь по сторонам. Она не представляла, что сейчас делать и куда бежать. Личного телефона начальства, естественно, никто не знал.

– Так, говорят, там убийство произошло, уже и полиции полно понаехало. Надо же, когда в плацкарте дембеля куролесят, понятно, а тут самый дорогой вагон, такое удовольствие не всем по карману, и труп.

У Клавы мгновенно сжалось сердце.

– А где, вы говорите, этот рай для богатых?

– Да вон там, – показал рукой старик.

Подходя к отцепленному вагону, Клава сразу увидела его – Карл Юрьевич хоть и был сейчас очень бледным, но, как всегда, невероятно красивым. Клава много раз пересматривала его вебинар для сотрудников. Много, потому что с

первого взгляда переключиться с его внешности на его слова было очень трудно. Сейчас вокруг него толпились какие-то люди, все были очень расстроены, в какой-то мере даже потерянными. Туда-сюда сновали полицейские, не обращая ни на кого внимания.

– Здравствуйте, Карл Юрьевич, – произнесла Клава, подойдя к своему начальству.

* * *

Для Карла все происходило как во сне, ответ – вопрос, ответ – вопрос. Хмурый следователь задавал вопросы, попутно матеря жену, по вине которой он оказался в этом аду.

– Значит, вы последний, кто вчера его видел? – в который раз повторял он свой вопрос. – Ну-ну, а были ли вещи у потерпевшего?

– Портфель был, он с ним не расставался, всегда его под мышкой держал, – растерянно сказал Карл.

– Да? Странно, он совершенно пустой, в нем только паспорт, билет и значок какой-то, – вытирая насквозь мокрым платком лоб, безразлично сказал следователь. – А может, просто от жары умер? – сделал он предположение. – Я вот не удивлюсь. Сердце, например, не выдержало, эта жара любого доведет, хотя проводница говорит, кондиционеры у вас работали. Вот тоже, моя курица говорила мне: поехали жить на юг, сэкономим, отопление минимум, зимней одежды не

надо, а на деле только на кондиционеры летом тратим больше, чем ей на пуховик в Норильске, – на этих словах следователь Илья Ильич улыбнулся так нежно, будто вспомнил снега родного Норильска. – Город пока не покидаем, где будете жить?

– В гостинице, пока не решил, в какой, мне на фирме должны были заказать.

– Вот вам мой телефон, позвоните, скажете, где остановились, – следователь протянул визитку с номерами.

Под палящим краснодарским солнцем стояли четверо: Карл, бледный как стена, Борис с торчащими в разные стороны взлохмаченными волосами, потому как он постоянно нервно чесал голову, Марина с потухшим взглядом и испуганный на сто процентов Филипп. Динка, как только разрешила полиция, убежала домой, даже не попрощавшись. Бедную проводницу Галину увезли на скорой с сердечным приступом.

– Я домой, – устало сказала Марина.

– А мне нужна гостиница, – сказал Борис. – Следователь сказал оставаться в Краснодаре, да и не могу я сейчас никуда ехать.

– Боря, у меня своя гостиница, поехали, поселю в лучшем виде, – предложила она.

– Я с вами, – сказал Карл. Он, будто потеряв ориентир, никак не мог прийти в себя, от этого ему хотелось оставаться с теми, кто тоже был причастен к этому ужасу.

– Конечно, поехали, – даже немного улыбнувшись, сказала Марина. – Буду рада, не хотелось после всего одной остаться.

– А мне можно, Марина? – спросил француз. – Я не знаю город, я должен был сегодня ехать в другой город и здесь ничего не заказывал.

Именно в этот момент прозвучало:

– Здравствуйте, Карл Юрьевич.

– Вы кто? – Карл словно только что увидел, что есть вокруг еще и мир, люди ходят, вокзал живет своей жизнью, город замер в полуденной жаркой дреме.

– Начальник краснодарского отделения фирмы «Спортиксон» Жукова Клавдия Петровна, – представилась женщина.

– Этого не может быть, – стал приходить в себя Карл, разглядывая несуразное создание, что стояло перед ним.

– Но это факт, – сказала Клава, вытирая пот со лба и поправляя взъерошенные волосы.

Она была готова к такой реакции, потому как это и была ее маленькая тайна – Клава была толстой. На фирме «Спортиксон» существовал строгий дресс-код из-за того, что они занимаются спорттоварами, а также инвентарем для спортивных клубов: весь персонал должен соответствовать здоровому образу жизни, то есть иметь спортивную фигуру и регулярно посещать спортзал. У Клавы с этим была беда: как только она стала зарабатывать, она начала есть, потребляя в

больших количествах все, что было жирно, сладко и очень калорийно. Ведь это было еще и безумно вкусно и раньше недоступно для Клавы. Теперь же пирожные и мороженое были сильнее ее, и она не могла им отказать. Три месяца назад, когда меняли прошлое руководство, женщина-инспектор, принимавшая решение и видевшая все деловые плюсы Клавы, решила пойти ва-банк.

– Я все понимаю, – сказала она Клаве. – Давайте так: я вас рекомендую, а вы мне обещаете, в свою очередь, что не подведете меня и начнете сбрасывать вес.

Все три месяца Клава честно старалась, она почти не ела и каждый вечер умирала на дорожке, но, сбросив три килограмма, вес встал и не двигался больше с места. Рассматривая себя в зеркало, она не понимала, в чем проблема. Да, у Клавы большая грудь, но это казачьи корни по маминой линии давали о себе знать, но как альтернатива – у нее прекрасная талия, не шестьдесят, конечно, но вполне приличная. Бедра широковаты, согласна, ну, хорошо, даже полноваты немного, но ноги вполне себе ничего. Вообще про такую, как Клава, можно сказать «аппетитная» или «с формами», почему сразу толстая? Еще вечером, сидя на лавочке под черешней, Клава решила не унижаться, а написать заявление об уходе сама. Поэтому сейчас, стоя на сорокаградусной жаре, проехав в пыльных пробках без кондиционера полгорода, она спокойно сказала:

– Да, я девушка с формами, спортзал посещаю регулярно,

но если для вас объем моей груди и бедер важнее того объема работы, что я делаю, то заявление будет сегодня же написано.

– Не сомневаюсь, – то, как его подчиненная дерзко разговаривала с ним, привело Карла в чувство окончательно, он снова почувствовал себя сильным и беспринципным Карлом Юрьевичем. – Вы на машине?

– Да.

– Сколько мест в вашей машине? Со мной еще трое человек.

– Все войдут, – сухо сказала Клава.

В машине ехали молча. Клава в который раз решила попытаться сгладить обстановку, потому как после стычки возле вагона она получила еще порцию недовольства от начальства за неработающий кондиционер в машине.

– Я думала, это вас убили, – сказала Клава.

– Я услышал в вашем голосе разочарование или мне показалось? – возмутился Карл, еще раз взглянув на странную подчиненную.

– Простите, не сдержалась, – совсем не извиняющимся тоном сказала Клава.

– Я так понял, вы точно решили уходить, даже шанса себе не оставляете, – Карл полностью пришел в себя и уже был грозным начальником, а не испуганным мальчишкой.

– Скорее всего, – спокойно согласилась Клава. – Не могу лишиться себя фисташкового мороженого.

– Вам сколько лет, сорок? По-моему, пора менять прио-

ритеты.

– Мне тридцать три, но у женщин возраст не спрашивают, – первый раз в жизни Клава так разговаривала с начальством и сама не понимала, почему.

– Вы сейчас для меня не женщина, а сотрудник фирмы «Спортиксон», бесполое существо, которое из-за своего веса выглядит на сорок. Плюс ко всему вы не только толстая, но еще и неопрятная. Директор филиала «Спортиксон» просто не может так выглядеть. Вы вообще до того, как вышли сегодня из дома, в зеркало смотрелись?

Клава правда выглядела не очень, ей хотелось оправдаться, ведь она так выглядит, потому как в пробках и сорокоградусной жаре сначала ехала, потом бежала со стоянки на вокзал, чтобы встретить начальство, которое не соизволило предупредить о своих желаниях заранее. Слезы в глазах Клавы уже готовы были политься ручьями, но спасли солнцезащитные очки и то, что в этот момент машина подъехала на стоянку перед пятиэтажной гостиницей, та словно втиснулась между частных домов. Фасад был стилизован под каменную крепость, перед входом плескался фонтан, а на заднем дворе ходили павлины. Вывеска «Отель “Престиж”» оповещала гостей о том, что они не прогадали, а остановились в очень пафосном месте.

– Значит, так, – выходя, скомандовал Карл, – дайте мне свой личный номер телефона – и в срочном порядке заправлять кондиционер, это приказ. Дальнейшие указания дам от-

дельно, – и, не оборачиваясь, ушел в компании своих при- тихших друзей.

– Надутый павлин, – прошипела сквозь зубы Клава и уже более мирно добавила подошедшей с заднего двора птице: – Прости, Семен, тебя это не касается.

Нет, конечно, Клава не знала всех павлинов в Краснодаре в лицо, просто это была именно та гостиница, которая выси- лась по соседству с ее домом. Получив адрес, куда необходи- мо ехать, она не удивилась, потому как сразу узнала хозяй- ку соседнего строения. Марине Львовне Забейко в принци- пе трудно было бы затеряться в толпе со своим фиолетовым шариком вместо прически, но вот вопрос: когда она успе- ла подружиться с ее начальством? А может быть, это давнее знакомство, и вообще кто все эти люди с Карлом Юрьevi- чем? Вот, например, этот боров с деревенским видом и с зо- лотыми часами, будто браток из девяностых, нарочно хва- стающийся своим достатком, без присутствия какого-либо вкуса. Он постоянно лез с разговорами к пришибленному и очень испуганному хиппи с локонами как у девушки и опра- вой очков, которой позавидует любой. Очень странная ком- пания: начальник-самодур, соседка – высокомерная зазнай- ка, боров-богате́й, испуганный хиппи. Может, уволиться и не терпеть все это? Шестое чувство говорило ей, что так и необ- ходимо сделать, но врожденное упрямство, кстати, благода- ря которому она всего и достигла, говорило: борись, Клава, борись.

Гостиница была очень уютной, внутри стиль огромного замка продолжался. Нарочно плохо заштукатуренные стены обрамляли массивные деревянные балки, закрепленные к стенам и потолку железными листами, и прикреплены они были огромными железными болтами с внушительного вида шляпками. Ресепшен был сделан в виде большого рубленого стола ручной работы, а по стенам висели разного рода украшения, попадающие в эту стилистику.

– Марина, у вас очень мило, – первым похвалил дизайн Филипп, остальные же молча закивали.

– Спасибо, это не просто гостиница, это моя жизнь, мое детище, – и, легко переключившись, спросила у Карла: – А не очень ли ты строг с этой девушкой? Знаешь, я тоже в своем роде начальство, и, как про меня шепчутся, психованное. Могу прикрикнуть, расстаюсь с людьми легко и никогда не даю второй шанс. Но я не позволяю себе никогда переходить на личностные оскорбления, тем более внешности, тем более женщины, – было видно, что инцидент в машине зацепил ее. – И еще так, для справки, – не дав ответить Карлу, продолжила Марина: – В Краснодаре кондиционер заканчивается чаще, чем жидкость для мытья стекол, такова особенность южных городов.

Вручив всем в руки ключи от номеров, скомандовала:

– Значит, так, даю вам два часа на то, чтобы принять душ, и жду на ужин в кафе на первом этаже, попрошу не опаздывать, к этому времени постараюсь узнать новости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.